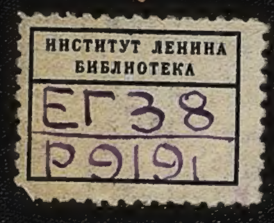
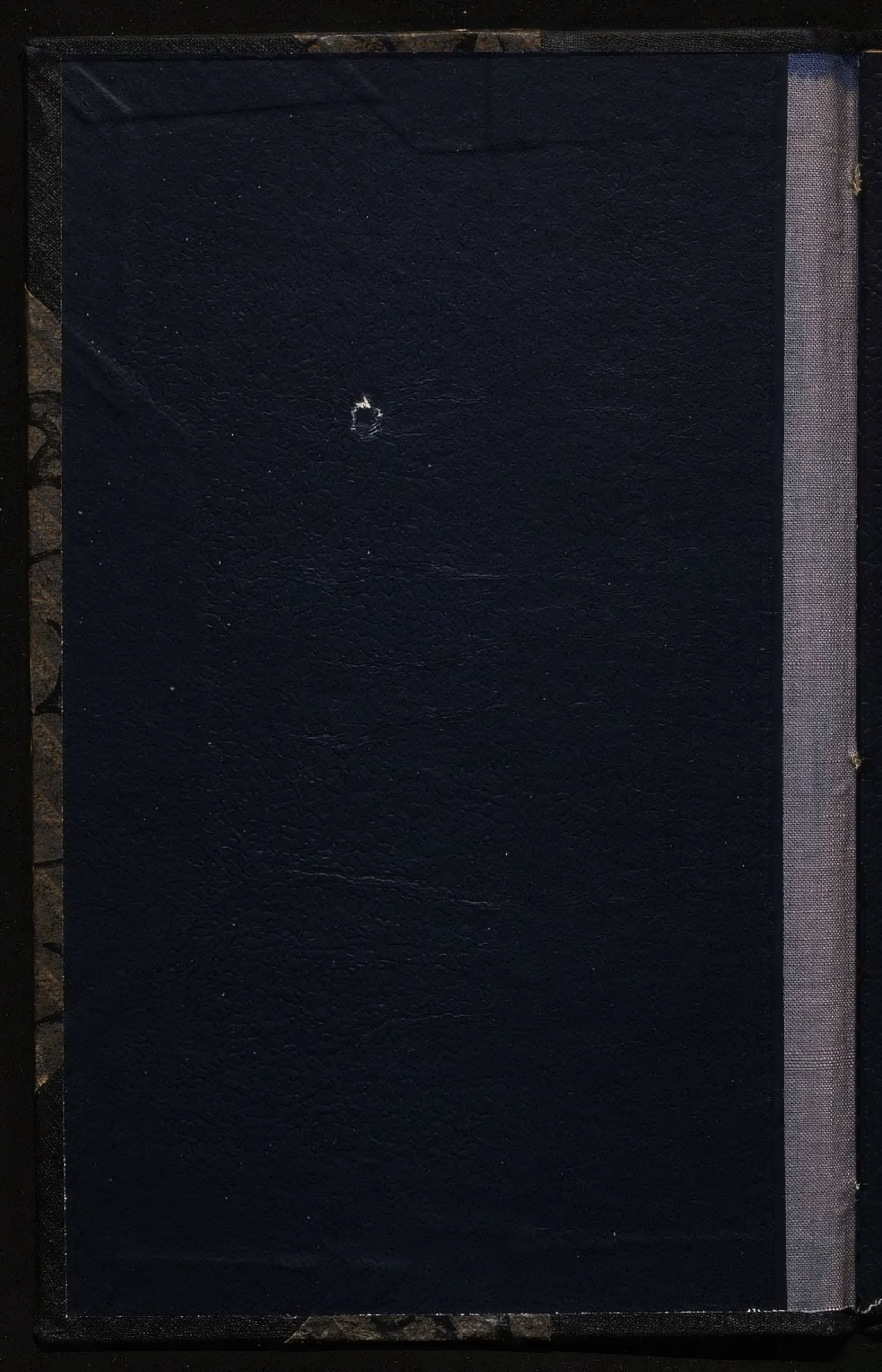
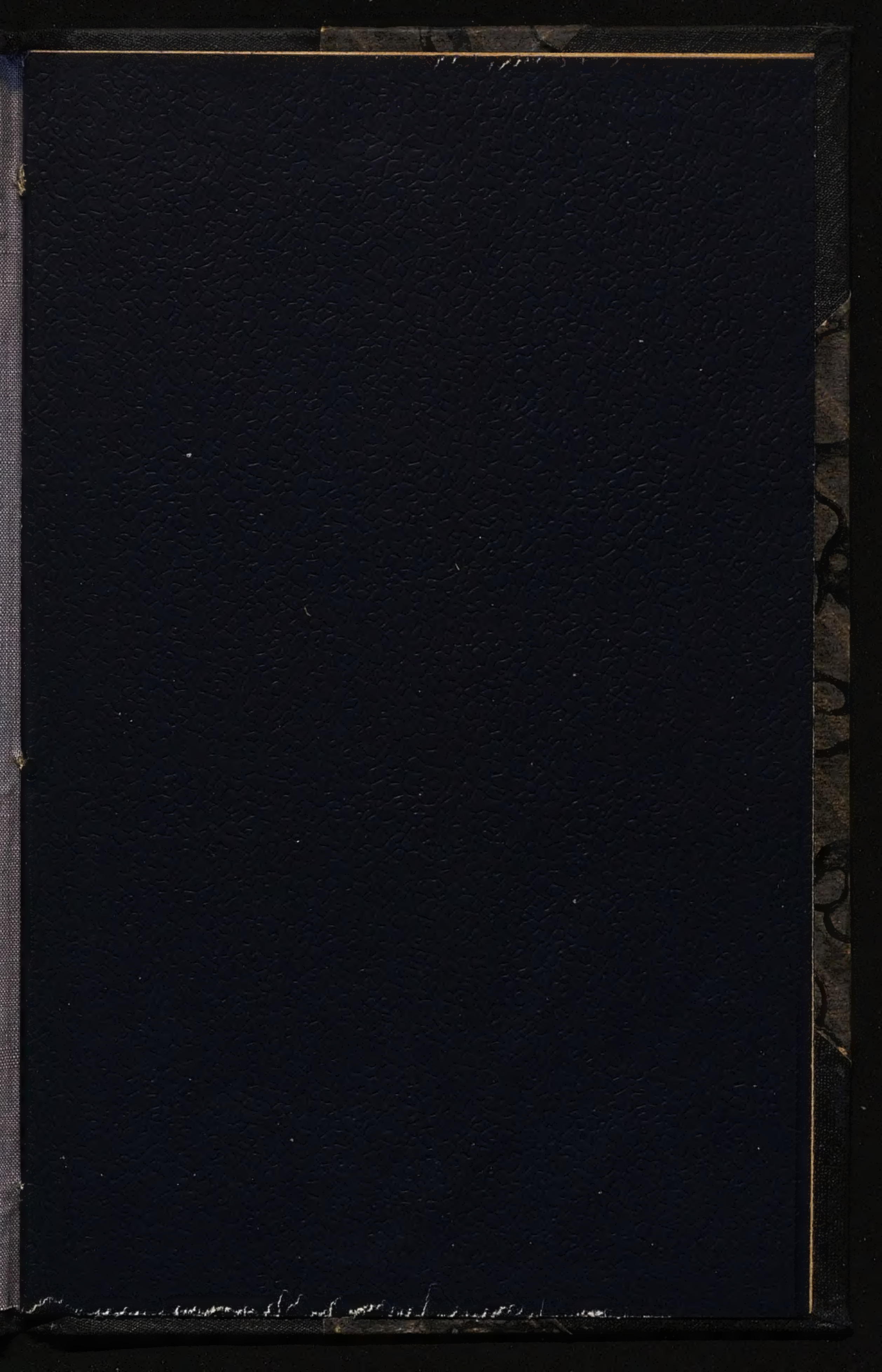
Каутскій
Русская
Революція

К. Каутскій.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
1917 г.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ц. 10 коп.

Соціалъ-демократическое издательство „ЗНАМЯ ТРУДА"
Кіевъ, Б.-Васильковская 31.
1917 г.

Русская революція 1917 года.

Предсказывая въ 1846 г. приближеніе революціи, Фердинандъ Фрейлигратъ приводилъ разсказъ о Ледяномъ домѣ, который императрица Елизавета приказала построить для себя зимой на берегу Невы для того, чтобы устраивать тамъ празднества. „До самаго марта можно было любоваться величіемъ дворца. Но—и въ Россіи сверкаютъ солнечные лучи, и на Невѣ таютъ льдины. И вотъ, при первомъ дуновеніи южнаго вѣтра, вся сверкающая громада обрушилась и провалилась въ воду.“

Фрейлигратъ предвидѣлъ, однако, революцію не въ Россіи, а въ Западной Европѣ. Нева олицетворяла для него революціонныя массы народа.

„Народъ смелъ зимній морозъ тираніи и снесъ то, что долго терпѣлъ—ледяной домъ деспотизма.“

Фрейлигратъ не предусматривалъ возможности русской революціи. Что русскій народъ можетъ подняться противъ своихъ угнетателей, казалось тогда безнадежной мечтой. Полъ вѣка спустя Западная Европа перестала руководить международными революціонными движеніями. Россія сдѣлалась страной революціонной инціативы, инціативы не отдѣльныхъ лицъ и не отдѣльныхъ группъ или организацій, но стихійной инціативы народныхъ массъ. Это было въ 1905 г., это снова имѣетъ мѣсто и въ настоящій моментъ.

Уже не аллегорически, но въ дѣйствительности Россія стала въ настоящее время страной, гдѣ впервые повѣялъ весенній вѣтеръ, который разрушилъ ледяной домъ деспотизма и обѣщаетъ растопить ледяные умерщвляющіе оковы безконечной военной зимы.

Всѣ воюющіе народы попали въ тупикъ. Всѣ они жаждутъ окончанія войны. Ни одно изъ правительствъ не сумѣло найти пу-

ти къ этой цѣли. И вотъ революція въ Россіи производитъ брешь, которая можетъ служить выходомъ. Что война и революція, хотя и не непремѣнно соціальная революція, но во всякомъ случаѣ паденіе существующей системы и устраненіе господствующихъ властителей тѣсно связаны другъ съ другомъ, въ теченіе всего послѣдняго столѣтія считалось до настоящей міровой войны въ рядахъ соціалъ-демократіи общепризнаннымъ, сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ. И сами правительства разсуждали такимъ же образомъ, въ противномъ случаѣ міровая война разразилась бы гораздо раньше. Но какъ это ни удивительно, и многія иравительства, и революціонеры считали, что революція должна разразиться при самомъ возникновеніи войны. Революцію считали средствомъ воспрепятствовать веденію войны для того, чтобы съ интернаціоналистической точки зрѣнія, всюду примѣняя это средство, сдѣлать войну невозможной, или съ точки зрѣнія одного изъ воюющихъ народовъ, ослабить противника, у котораго одного только это средство должно получить примѣненіе.

Эти ожиданія нигдѣ не осуществились. Нѣкоторые изъ нашихъ революціонно настроенныхъ товарищей возлагали вину на тѣхъ, которые заранѣе скептически относились къ революціи, какъ къ средству насильственно воспрепятствовать веденію войны. Но въ дѣйствительности и тѣ соціалистическія партіи, которыя и въ мирное время энергичнѣе всего пропагандировали такой методъ борьбы противъ войны, не могли употребить это средство, какъ только разразилась война, потому что отсутствовалъ рѣшающій въ этомъ дѣлѣ факторъ—необходимое настроеніе народныхъ массъ. Это ясно показываетъ примѣръ Италіи. Если была какая-либо соціалистическая партія, которая въ этой войнѣ выполнила свой долгъ, то это итальянская партія. Если гдѣ-либо происходитъ сейчасъ война, которая даже для самаго тупого человѣка не является войной оборонительной, то это именно та война, которую объявила Италія. И ни въ какой другой странѣ массовая забастовка, вслѣдствіе неоднократнаго примѣненія ея, не внѣдрилась въ народное сознаніе такъ сильно, какъ это имѣетъ мѣсто въ Италіи. И тѣмъ не менѣе и въ этой странѣ не оказалось возможнымъ воспрепятствовать возникновенію войны путемъ выступленій народныхъ массъ.

Исходя изъ этого отсутствія революціи, многіе радикалы приходили къ заключенію, что о революціи вообще нечего говорить, что существующій режимъ повсюду получилъ еще большую прочность, чѣмъ прежде и что остается только съ нимъ считаться. Началась большая переоцѣнка прежнихъ воззрѣній—предпріятіе, оказавшееся слишкомъ поспѣшнымъ.

Среди тѣхъ, которые настаивали на тѣсной связи между войной и революціей, существовалъ однако цѣлый рядъ лицъ, которыя въ этомъ пересмотрѣ прежнихъ воззрѣній не нуждались, такъ какъ они ожидали революціи не въ началѣ, а лишь въ концѣ войны.

Я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы начало войны уничтожило существующее правительство и вызвало бы перемѣну всей системы. Но такой результатъ въ теченіе всего XIX столѣтія являлся неизбѣжнымъ концомъ всякой войны для побѣжденнаго, а иногда и для побѣдителя, когда результаты побѣды оказывались купленными слишкомъ дорогой цѣной и война обнаруживала неспособность господствующаго режима. За войной, которую Россія въ 1877 г. побѣдоносно вела противъ Турціи и въ которой русскія войска почти достигли вратъ Царьграда, послѣдовало революціонное движеніе, которое началось съ выстрѣла нашего товарища Вѣры Засуличъ и достигло своего кульминаціоннаго пункта въ убійствѣ Александра II, и которое, какъ и настоящая революція и какъ и многія другія революціонныя дѣйствія, также разразилось въ мартѣ.

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ, при возникновеніи войны, нужно было ожидать, что окончаніе ея вызоветъ сильныя внутреннія политическія движенія, которыя, смотря по характеру конца войны въ той или другой странѣ, примутъ революціонный характеръ.

Но чего нельзя было ожидать, что вызываетъ изумленіе, это —взрывъ революціи въ Россіи въ теченіе войны. Это совершенно необычный случай, который не имѣетъ прецедентовъ въ XIX столѣтіи. Паденіе французской имперіи послѣ Седана не было дѣломъ одной только революціи. Этотъ режимъ воплощался въ личности Наполеона III и лишился своей опоры, когда Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ при Седанѣ. Революціонное выступленіе недовольныхъ народныхъ массъ въ Парижѣ произошло уже послѣ того, какъ миръ былъ заключенъ.

Для того, чтобы найти прецедентъ измѣненія господствующей системы посредствомъ революціи во время войны, необходимо обратиться къ великой французской революціи.

Во время войны, загорѣвшейся въ апрѣлѣ 1792 г. между Франціей, съ одной стороны, и Австріей и Пруссіей, съ другой— сперва былъ низвергнутъ тронъ (въ августѣ 1792 г.), потому что монархія благопріятствовала національному врагу, а затѣмъ, въ іюнѣ 1793 г., были низвергнуты жирондисты, потому что они не вели борьбы противъ частной собственности поставщиковъ и аграріевъ съ той энергіей, какой требовала ведшаяся тогда противъ Франціи война на истощеніе.

Теперешнюю революцію въ Россіи можно было бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравнить съ этими событіями французской революціи. Нѣчто подобное Энгельсъ ожидалъ для Германіи въ томъ случаѣ, если бы на нее одновременно напали Франція и Россія. Въ своей, такъ часто цитированной за послѣдніе годы, статьѣ „Sozialismus in Deutschland“ (Neue Zeit, X, 1, с. 580) онъ писалъ:

„Война, при которой русскіе и французы вторглись бы въ Германію, была бы для послѣдней борьбой на жизнь и на смерть; Германія при этомъ смогла бы обезпечить свое національное существованіе, лишь прибѣгнувъ къ революціоннымъ мѣропріятіямъ. Теперешнее правительство, разумѣется, не откроетъ пути для революціи, если оно не будетъ къ этому принуждено. Но мы имѣемъ сильную партію, которая принудитъ его къ этому или, въ случаѣ нужды, замѣнитъ его, мы имѣемъ соціалъ-демократическую партію“.

Сторонники военныхъ кредитовъ охотно цитируютъ это мѣсто, но они предпочитаютъ приводить лишь первыя строки этого отрывка.

Рекомендованное Энгельсомъ средство въ настоящее время примѣнено не германской соціалъ-демократической партіей, а революціонными массами Россіи.

Разумѣется, первый возникающій по отношенію къ новой революціи вопросъ, касается не того, какое она окажетъ вліяніе на демократію и соціализмъ, а того, какую она роль сыграетъ въ вопросѣ о войнѣ и концѣ ея.

Но объ этомъ нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго, ибо намъ приходится считаться съ слишкомъ многими и неопредѣленными факторами. Однако, насъ окрыляетъ надежда, что теперь выступилъ на сцену новый факторъ военной политики, повсюду исчезнувшій въ эру бургфридена,—революціонный пролетаріатъ и соціализмъ; можно надѣяться, что въ Россіи они будутъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ руководиться интернаціональными, а не національными мотивами.

Разумѣется, теперешняя революція, какъ и всѣ удававшіяся до сихъ поръ революціи—дѣло не одного единственнаго класса, партіи или теченія, а результатъ сотрудничества нѣсколькихъ, весьма различныхъ группъ, сошедшихся въ одномъ пунктѣ, въ стремленіи покончить съ абсолютизмомъ и господствомъ бюрократіи. Начало положили голодныя массы: крики о хлѣбѣ были боевымъ кличемъ революціонныхъ борцовъ. Но къ нимъ присоединились и многіе такіе, которые могли обвинить царизмъ лишь въ томъ, что онъ не сумѣлъ вести успѣшно войны.

Какъ и во всякой удавшейся революціи, и въ русской революціи, вслѣдъ за побѣдой ея, начнется борьба различныхъ и часто противорѣчивыхъ тенденцій. Пока еще не видно, какая изъ тенденцій окажется въ концѣ-концовъ преобладающей. Мы не можемъ сказать, будетъ ли война вестись энергичнѣе или слабѣе, ни того, окрѣпнетъ ли воля къ войнѣ или воля къ миру.

Но одно несомнѣнно: новый режимъ не сможетъ продолжать насильственныхъ методовъ своихъ предшественниковъ по отношенію ко всякой оппозиціи. Онъ не посмѣетъ примѣнить этихъ методовъ, памятуя огромную силу, развитую революціонной массой. А если, несмотря на это, онъ вынужденъ будетъ почему либо прибѣгнуть къ насиліямъ, то у него не хватитъ внутренней силы, чтобы сдѣлать это съ успѣхомъ. Борьба за миръ, за скорый и пріемлемый миръ, безобидный для всѣхъ воюющихъ народовъ, отнынѣ нигдѣ не будетъ вестись такъ свободно, нигдѣ не наткнется на такія незначительныя препятствія, какъ въ Россіи.

Рѣшающее значеніе для мира имѣетъ вопросъ, какъ русская революція отразится на Европѣ и, прежде всего, на германской соціалъ-демократіи. И здѣсь, къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что пока не можемъ сказать объ этомъ ничего опредѣленнаго, въ виду запутанности нашихъ партійныхъ отношеній. 4 августа 1914 г. большинство соціалъ-демократической фракціи вотировало военные кредиты подъ знакомъ стараго боевого клича: „Борьба противъ царя", который они считали завѣщаніемъ нашихъ учителей. Въ ихъ деклараціи мы читаемъ:

„Для нашего народа и его свободнаго будущаго вопросъ —въ случаѣ побѣды русскаго деспотизма, запятнавшаго себя кровью лучшихъ сыновъ своего народа—идетъ объ очень многомъ, если не обо всемъ. Мы высказываемъ здѣсь то, что мы всегда подчеркивали. Въ часъ опасности мы не покинемъ отечества".

Здѣсь, слѣдовательно, въ качествѣ опасности, угрожающей отечеству и подлежащей устраненію, отмѣчается „побѣда русскаго деспотизма".

Цѣль войны, для соціалъ-демократической фракціи, поставленная ею 4 августа—паденіе самодержавія—теперь достигнута. Измѣнитъ ли отнынѣ партія свое поведеніе?

Теперь становится болѣе настоятельнымъ, чѣмъ когда-либо раньше, изложеніе цѣлей войны со стороны имперскаго правительства,—во-первыхъ потому, что врагъ съ востока внезапно сталъ совершенно инымъ, а также и потому, что коренными образомъ измѣнились условія пропаганды мира у него. Партія мира теперь

доминируетъ въ Россіи; она пріобрѣтаетъ, поэтому, рѣшающее вліяніе на поведеніе десятерного союза.

Наша важнѣйшая задача—укрѣпить ея положеніе. Этого можно достигнуть лишь въ этомъ случаѣ, если имперское правительство сообщитъ въ возможно кратчайшій срокъ о своихъ цѣляхъ войны, —о такихъ цѣляхъ, которыя дозволяютъ заключить безобидный, не угрожающій ни одному народу, не производящій насилія ни надъ какимъ народомъ миръ. Только надежда на подобный миръ можетъ помочь русской партіи мира упрочить свое положеніе.

Передъ германской соціалъ-демократіей выростаетъ теперь огромная задача. Справится ли съ ней то теченіе въ партіи, которое располагаетъ наибольшими возможностями дать услышать свое мнѣніе въ печати и въ парламентахъ? Надежды на это невелики: 18 (5) марта въ „Vorwärts'ѣ“ была помѣщена—въ воспоминаніе о прежнихъ революціяхъ и въ связи съ послѣдней революціей статья, содержаніе которой можно вкратцѣ формулировать такъ: недовѣріе къ революціи и довѣріе къ имперскому канцлеру. „Vorwärts“ писалъ:

„Мы не желаемъ гражданской борьбы во время войны. Политически зрѣлый нѣмецкій народъ понимаетъ, что въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, мы не можемъ позволить себѣ этой роскоши: поэтому онъ и переноситъ возложенное на него бремя съ терпѣніемъ, вызывающимъ изумленіе канцлера“.

Такимъ образомъ, гражданская война—это роскошь, которую не позволитъ себѣ во время войны политически зрѣлый народъ. Этой концепціи „Vorwärts'а“ соотвѣтствуетъ и то, что онъ разсказываетъ теперь, въ дни революціи—будто русскій народъ въ политическомъ отношеніи стоитъ ниже нѣмецкаго.

Что касается имперскаго канцлера, то въ этой же статьѣ мы читаемъ:

„Въ прошлую среду германскій имперскій канцлеръ произнесъ въ прусской палатѣ рѣчь, въ которой онъ возвѣстилъ новое свободное государство. Руководитель германской политики далъ торжественную клятву, что нѣмецкій народъ уже не долго будетъ находиться позади другихъ народовъ въ своемъ свободномъ развитіи“.

Здѣсь—какъ мы видимъ—указанъ путь, по которому, по мнѣнію праваго крыла нѣмецкой соціалъ-демократіи, добиваются свободы „политически зрѣлые“ народы: не путемъ „гражданской борьбы во время войны“, а путемъ благожелательнаго отношенія имперскаго канцлера. Надо при этомъ замѣтить, что въ своей рѣчи канцлеръ не произнесъ никакихъ конкретныхъ обѣщаній, не говоря

уже о клятвахъ; наоборотъ, онъ тщательно уклонялся отъ всякихъ опредѣленныхъ высказываній—и это было очень правильно съ его точки зрѣнія, ибо всякая попытка сдѣлать хотя бы только одинъ шагъ въ сторону „новаго свободнаго государства" вызвала бы серьезнѣйшую гражданскую борьбу. Кто боится послѣдней, долженъ отказаться отъ перваго.

Русская революція нашла здѣсь мало обѣщающій откликъ. Пока еще трудно сказать, какъ она будетъ встрѣчена нѣмецкими массами. Въ настоящее время онѣ не могутъ высказывать свое мнѣніе такъ легко, какъ говорящіе отъ ихъ имени государственные мужи, но много признаковъ указываютъ на то, что массы революціи дѣйствуютъ по иному. и дѣйствіе это будетъ сказываться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ лучше онѣ поймутъ колоссальное значеніе этого событія.

Въ исторіи этой войны начинается новая эпоха; сущность ея измѣняется кореннымъ образомъ.

Русская революція, это—первый лучъ надежды, озарившій съ начала войны бѣдную, пропитанную кровью, землю. Первый лучъ солнца, позволяющій надѣяться, что ростки мира взойдутъ. А когда солнце входитъ въ силу, начинается для ледяныхъ домовъ скверное время.

Кіевъ, тип. Р. Френкеля, Б.-Васильковская 31.

